

Научная статья

Научная специальность

5.1.4 «Уголовно-правовые науки»

УДК 343.141

DOI <https://doi.org/10.26516/2071-8136.2025.4.132>

ПРОТОКОЛЫ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ И СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ КАК СРЕДСТВА ДОКАЗЫВАНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ШТРИХИ К НОРМАТИВНОМУ ПОРТРЕТУ

© **Россинский С. Б., 2025**

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва, Россия

Освещаются изъяны и шероховатости нормативного регулирования протоколов следственных действий и судебного заседания как информационных активов, предопределяемых наглядно-образным восприятием дознавателями, следователями, участниками судебных разбирательств материальных фрагментов объективной реальности и способствующих установлению значимых для уголовных дел обстоятельств, а также обоснованию соответствующих правоприменительных решений либо позиций сторон. Подобные недостатки связываются с отсутствием надлежащей научной основы указанных доказательств, в первую очередь с несформированностью четких доктринальных позиций об их сущности и отличиях от иных средств уголовно-процессуального доказывания. Одновременно выявляются факторы, некогда помешавшие дореволюционным и советским ученым справиться с решением данной задачи, причем возможность заполнения этих пробелов ставится в зависимость от глубокого осмысления методологических положений кибернетической (информационной) концепции доказательств. Делается вывод об обусловленности протоколов следственных действий и судебного заседания так называемым невербальным способом процессуального познания – его и рекомендуется считать важнейшей детерминантой возникновения таких средств доказывания, а формируемые подобным способом доказательства предлагается впредь называть не протоколами, а результатами невербальных следственных и судебных действий. В завершение говорится, что инкрементальное внедрение сформулированных в статье научных позиций в систему уголовно-процессуального регулирования поспособствует оптимизации правоприменительной деятельности, главным образом устранению ряда возникающих в дознавательской, следственной, прокурорской, адвокатской и судебной практике трудностей и сокращению обусловленных ими ошибок.

Ключевые слова: доказательства, протокол судебного заседания, протоколы следственных действий, результаты невербальных следственных действий, результаты невербальных судебных действий, средства доказывания, формирование доказательств.

PROTOCOLS OF INVESTIGATIVE ACTIONS AND COURT SESSIONS AS MEANS OF EVIDENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS: STROKES TO THE NORMATIVE PORTRAIT

© **Rossinsky S. B., 2025**

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

This paper highlights the shortcomings and rough edges of the normative regulation of protocols of investigative actions and court sessions as informational assets. These assets are predetermined by the visually-imaginative perception of investigators, detectives, and participants in judicial proceedings of material fragments of objective reality, facilitating the establishment of circumstances significant to criminal cases and the justification of corresponding law enforcement decisions or parties' positions. Such deficiencies are linked to the lack of a proper scientific basis for these types of evidence, primarily the absence of clear doctrinal positions on their essence and distinctions from other means of criminal procedural proof. Simultaneously, factors that once hindered pre-revolutionary and Soviet scholars from solving this problem are identified, with the possibility of filling these gaps depending on a profound understanding of the methodological principles of the cybernetic (informational) concept of evidence. As a result, it is concluded that protocols of investigative actions and court sessions are conditioned by the so-called non-verbal mode of procedural cognition – which is recommended to be considered the most important determinant for the emergence of such means of proof. The evidence formed in this way is proposed henceforth not to be called protocols,

but rather the results of non-verbal investigative and judicial actions. In conclusion, the incremental implementation of the scientific positions formulated in the article into the system of criminal procedural regulation will contribute to optimizing law enforcement activities, primarily by eliminating a number of difficulties arising in the practices of inquiry officers, investigators, prosecutors, lawyers, and courts, and reducing errors caused thereby.

Keywords: evidence, court session protocol, protocols of investigative actions, results of non-verbal investigative actions, results of non-verbal judicial actions, means of proof, formation of evidence.

Введение

Как известно, протоколы следственных действий и судебного заседания в настоящее время признаются самостоятельными средствами уголовно-процессуального доказывания (доказательствами) – официально предусмотренными законом информационными активами, способствующими установлению имеющих значение для уголовных дел обстоятельств и обоснованию правоприменительных решений либо соответствующих позиций сторон. А нормативная основа таких протоколов-доказательств сводится к п. 5 ч. 2 ст. 74, ст. 83 и ряду находящихся с ними в системном единстве других положений Уголовно-процессуального кодекса РФ¹ (далее – УПК РФ / Кодекс).

С одной стороны, неопределимое значение протоколов следственных действий и судебного заседания для уголовно-процессуального доказывания представляется очевидным – именно с их помощью нередко удается установить и подтвердить не вполне предрасположенные к установлению и подтверждению посредством иных информационных активов обстоятельства и детали произошедшего. В частности, протоколы-доказательства способствуют сохранению в уголовных делах сведений об обнаружении и наглядно-образной перцепции неподдающихся (не вполне поддающихся) процессуальной «консервации», в том числе подверженных деформациям или исчезновениям материальных фрагментов объективной реальности: мест происшествий, других помещений, сооружений, участков местности, особенностей внешности и физического состояния живых людей, трупов, крупногабаритных предметов, партий товаров и т. п. Кроме того, они позволяют зафиксировать информацию о не подлежащих повторному воспроизведению конкретных действиях (телодвижениях) участников уголовного судопроизводства, о фактах нахождения в определенных местах значимых для доказывания предметов, документов и т. д.

Вместе с тем констатировать должную законодательную регламентацию данных информационных активов пока что не приходится! Содержание ст. 83 УПК РФ, вроде бы как специально предназначенной для раскрытия понятия и сущности подобных протоколов, фактически сводится к более чем лаконичной, малоинформативной и весьма неопределенной формулировке. Говорится лишь о возможности их использования в качестве доказательств в случае соответствия установленным Кодексом требованиям. Другими словами, из смысла указанной нормы усматривается только один внятный посыл – легальный подход к пониманию таких протоколов ограничивается исключительно их допустимостью, т. е. формальным требованием, предъявляемым в соответствии с ч. 2 ст. 50 Конституции РФ и рядом положений УПК РФ к любым подлежащим использованию для нужд уголовной юстиции доказательствам. В этой связи, невзирая на официально признанную идею свободы оценки, т. е. гипотетической равнозначности доказательств, возникает ощущение какой-то второсортности, ущербности протоколов следственных действий и судебного заседания по сравнению с другими средствами доказывания, например показаниями, экспертными заключениями и т. д. – создается стойкое впечатление несколько пренебрежительного отношения «коллективного законодателя» к данным информационным активам. Подобное отношение усматривается даже в присущих Кодексу «нейминговых» противоречиях. В п. 5 ч. 2 ст. 74 УПК РФ такие доказательства почему-то названы «протоколами следственных и судебных действий». Хотя любому специалисту хорошо известно, что никаких протоколов судебных действий не существует, а содержание и результаты производимых в ходе судебных разбирательств процессуально-когнитивных приемов согласно ст. 259 УПК РФ подлежат отражению в единых протоколах судебных заседаний. Рассмотрению всех этих изъянов и посвящена настоящая статья.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

Материалы и методы исследования

В чем же состоит значение ст. 83 УПК РФ для уголовно-процессуального регулирования и правоприменительной практики органов предварительного расследования, прокуратуры, суда? По всей видимости, ни в чем! Данное положение закона сводится к банальному и совершенно бессмысленному воспроизводству общего требования о допустимости доказательств (как бы к напоминанию о возможности использования лишь допустимых доказательств) в части нормативной регламентации одного из них – протоколов следственных действий и судебного заседания. Более того, существование подобной, с позволения сказать, дефиниции способствует размыванию граней между такими протоколами и различными показаниями как принципиально иными, но тем не менее тоже возникающими в результате следственных либо судебных действий, в первую очередь допросов и очных ставок, и подлежащими отражению в соответствующих протоколах средствами доказывания.

В этой связи проще всего предположить, что ст. 83 УПК РФ обязана своим возникновением конъюнктурной приверженности многих авторов-разработчиков проекта Кодекса к так называемой прагматичной концепции доказывания, характерной для англосаксонской процессуальной доктрины и делающей ставку, т. е. основной упор, на допустимость доказательств, на приоритет их формы перед содержанием. Однако данная версия представляется весьма сомнительной. Ведь имевшаяся ранее, предусмотренную ст. 87 прежнего Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1960 г. (далее – УПК РСФСР 1960 г.) «советскую» дефиницию протоколов-доказательств вряд ли можно посчитать сильно отличавшейся от существующей. Хотя, конечно, нельзя не обратить внимания на ее гораздо большую определенность, выраженную в четком перечне следственных и судебных действий, обуславливающих возникновение подобных информационных активов. К слову, аналогичные нормативные подходы остались присущи и уголовно-процессуальному регулированию некоторых постсоветских государств. Поэтому более правдоподобным видится несколько иное предположение – о стремлении авторов-разработчиков ст. 83 УПК РФ, по всей вероятности, увы, не особо погруженных в тонкости теории уголовного процесса, не вла-

деющих азами юридической техники, не намеренных задумываться о качестве закона и перспективах правоприменительной практики, к расширению арсенала потенциально допустимых средств доказывания за счет открытия ранее закрытого перечня протоколов-доказательств.

В всяком случае для должного уяснения понятия и сущности протоколов следственных действий и судебного заседания ни указанная норма, ни какие-либо иные положения Кодекса явно непригодны! По крайней мере, такой вывод напрашивается исходя из результатов мониторинга множества правоприменительных актов и прочих уголовно-процессуальных документов, предполагающих потребность в изложении имеющейся доказательственной базы: обвинительных заключений, обвинительных актов, приговоров, судебных постановлений об избрании меры пресечения арестантского характера и т. д. Описания протоколов следственных действий либо соответствующих частей протоколов судебных заседаний обычно ограничиваются всего несколькими словами, тогда как описания других доказательств нередко состоят в достаточно обстоятельных обзорах полученных сведений, в том числе в дословных переписываниях целых фрагментов показаний обвиняемых (подсудимых), свидетелей, потерпевших, экспертных выводов и пр. Например, в одном из недавних приговоров Тимирязевского районного суда г. Москвы по уголовному делу о преступлении, предусмотренном ч. 1 ст. 290 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ), в числе обвинительных доказательств указывается протокол осмотра места происшествия – служебного кабинета подсудимого, но никаких сведений о содержании данного протокола не приводится. В другом судебном акте – приговоре Коптевского районного суда г. Москвы по уголовному делу о преступлении, предусмотренном ч. 1 ст. 105 УК РФ, среди подтверждающих вину подсудимого доказательств называется протокол обыска квартиры, в ходе которого был найден и изъят финский нож, однако подробностей обнаружения ножа не сообщается. Современная дознавательская, следственная и судебная практика изобилует и множеством иных подобных примеров.

Чем же можно объяснить наблюдаемые изъяны и шероховатости нормативного регулирования протоколов следственных действий и судебного заседания как средств уголовно-про-

цессуального доказывания, явно не способствующие должному пониманию их сущности, приводящие к ошибкам и затруднениям в правоприменительной практике? Думается, что далеко не в последнюю очередь эти недостатки вызваны неудовлетворительной теоретической проработанностью данных вопросов, отсутствием соответствующих научных положений, признаваемых большинством, по крайней мере какой-то частью ученых-процессуалистов. Конечно, автору настоящей статьи в свое время удалось сделать определенные шаги в указанном направлении и даже посчастливилось добиться некоторых, как представляется, позитивных результатов [9; 10; 12 и др.]. Однако по прошествии столь незначительного срока – примерно десяти лет – говорить об их признании коллегами в качестве доктринальной основы протоколов следственных действий и судебного заседания еще преждевременно. К тому же период творческой активности автора наступил уже после принятия Уголовно-процессуального кодекса РФ, в связи с чем высказанные идеи и предложения могут оказаться полезными лишь для последующих правотворческих инициатив.

В целом же протоколы следственных действий и судебного заседания почему-то не заслужили столь пристального внимания научного сообщества, какое традиционно уделялось другим средствам доказывания. Говоря о сущности таких протоколов, ученые-процессуалисты обычно ограничивались тезисом об их обусловленности итогами непосредственного восприятия каких-либо сведений должностными лицами органов предварительного расследования или участниками судебных заседаний [5, с. 216–217; 7, с. 161–162; 15, с. 120–121; и др.]. Схожие взгляды встречаются и в ряде современных публикаций, прежде всего кандидатских диссертаций, начинающих исследователей.

Причины столь поверхностного отношения научного сообщества к протоколам-доказательствам видятся не вполне ясными и понятными. В этой связи остается довольствоваться лишь рядом предположений. Например, можно выдвинуть гипотезу о бытовании опрометчивых доктринальных представлений о таких протоколах как о чем-то простом и очевидном, не требующем серьезного теоретического осмысления. Допустима и противоположная версия – о неготовности или, увы, неспособности многих ученых к надлежащему осмыслению

столь сложных проблем. По крайней мере, автору настоящей статьи как одному из ведущих современных российских специалистов в области теории и практики уголовно-процессуального доказывания данная версия кажется вполне состоятельной. На сегодняшний день пренебрежительное отношение к протоколам-доказательствам можно объяснить и явным отвращением некоторых «прогрессивных» ученых (читай, апологетов либеральных ценностей) к любым инквизиционным компонентам уголовного судопроизводства, прежде всего тенденциозным неприятием ими советской модели уголовной юстиции. Например, подобными сентенциями наполнены публикации представителей и компаньонов печально известной «нижегородской школы процессуалистики», в первую очередь эпатажные сочинения некогда наделавшего много шума, а ныне сошедшего с научной дистанции профессора А. С. Александрова¹. К слову, в чем-то схожие, но несоизмеримо более корректные высказывания были присущи и некоторым советским авторам. Правда, они обосновывались прямо противоположными аргументами – о протоколах как о негативных атрибутах буржуазной юстиции, не желающей освободиться от инквизиционной парадигмы уголовного правосудия [6, с. 135]. Думается, что при желании можно высказать и другие вполне приемлемые гипотезы.

Однако для должной реализации замыслов автора настоящей статьи подобные научные догадки не так уж и важны. К тому же, по всей видимости, никакой генеральной причины, предопределившей слабую теоретическую проработанность сущности протоколов следственных действий и судебного заседания, просто не существует, в связи с чем любые, по крайней мере наиболее состоятельные, версии вполне допустимо считать предполагающими определенную долю правды.

Гораздо важнее другое – сами факты сведения доктринальных рассуждений о протоколах-доказательствах лишь к попыткам толкования соответствующих положений закона. Подобные «научные» стремления представляются деструктивными, тупиковыми, не предполагающими никакой новизны, а, напротив, ставящими уголовно-процессуальную доктрину в зависимость от консервативных волеизъявлений законодателя, тогда как самого зако-

¹ Подробнее об этом говорится в других публикациях автора настоящей статьи [9, с. 40].

нодателя – в зависимость от не подкрепленных результатами подлинно научных изысканий, спонтанно появляющихся и непродуманных правотворческих инициатив. Причем такие научные изъятия возникли далеко не в последнее время – их можно встретить в подавляющем большинстве соответствующих доктринальных источников, опубликованных в различные периоды развития отечественной уголовной юстиции.

Например, суждения дореволюционных ученых преимущественно сводились к толкованиям положений Устава уголовного судопроизводства Российской империи 1864 г.: протоколы осмотров и освидетельствований признавались не столько особыми, играющими уникальную роль информационными активами, сколько вариациями письменных документов, мало чем отличающихся от приобретаемых к уголовным делам справок, выписок, иных официальных бумаг [8, с. 201; 16, с. 292–293 и др.]. А протоколы обысков и выемок вообще считались фрагментами вещественных доказательств, обнаруженных и изъятых в ходе их производства [2, с. 47]. Хотя справедливости ради все же надлежит помнить о жанре указанных работ. Ведь дореволюционные авторы обычно ограничивались подготовкой учебников или расширенных курсов уголовного судопроизводства, т. е. публикаций, предполагающих не столько освещение результатов подлинно научных изысканий, сколько системное изложение известных, в первую очередь общепринятых позиций. К тому же некоторые из них все же пытались высказать определенные, к слову, совершенно верные, идеи, направленные на должное уразумение сущности протоколов-доказательств [17, с. 308–309, 311–312]. А самой точной оказалась лаконичная реплика М. В. Духовского – смысл подобных протоколов был связан с невозможностью сохранения имеющих значение для уголовного дела предметов в натуральном виде [4, с. 248].

Свойственные 1920–1950-м гг. взгляды на протоколы-доказательства также преимущественно сводились к толкованиям и разъяснениям соответствующих положений раннесоветского уголовно-процессуального права. Правда, авторам в отличие от дореволюционных предшественников все же приходилось уделять определенное внимание вопросам разграничения подобных протоколов, в первую очередь протоколов осмотров, с другими письменными

документами – такая потребность вытекала из смысла ст. 58 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1923 г.¹ (ст. 62 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1922 г.²) и соответствующих статей других союзно-республиканских кодексов [1, с. 209; 13, с. 101]. Тогда как в остальном никакого особого интереса к проблематике протоколов доказательств по-прежнему не существовало – советских ученых гораздо сильнее привлекали различные виды показаний, экспертные заключения и вещественные доказательства. Однако и среди них все-таки находились желающие сказать о протоколах нечто большее. Например, М. А. Чельцов, как бы солидаризируясь с М. В. Духовским, совершенно справедливо усматривал их предназначение в возможности использования вместо вещественных доказательств, а их исследование (оглашение) в судебном заседании считал приемлемой альтернативной судебного осмотра [18, с. 327].

Некоторое усиление интереса к проблематике протоколов следственных действий и судебного заседания появилось лишь в 1960–1980-х гг. – ввиду известной реформы уголовно-процессуального законодательства. Так, в ст. 16 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР 1958 г.³, ч. 2 ст. 69 УПК РСФСР 1960 г.⁴ и соответствующих статьях прочих союзно-республиканских кодексов подобные информационные активы были впервые официально признаны автономными средствами доказывания (источниками доказательств). Попутно были предприняты первые попытки легализации дефиниций протоколов-доказательств – как отмечалось выше, одна из них стала предусматриваться в ст. 87 УПК РСФСР 1960 г. В этой связи некоторые ученые-процессуалисты начали проявлять несколько большую активность в данном направлении. И в первую очередь были высказаны здравые мысли о фиксации в протоколах результатов непосредственного наблюдения (восприятия) сотрудниками органов

¹ Постановление ВЦИК об утверждении Уголовно-процессуального кодекса РС.Ф.С.Р. от 15 февр. 1923 г. (утратил силу) // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

² Постановление ВЦИК об утверждении Уголовно-процессуального кодекса РС.Ф.С.Р. от 25 мая 1922 г. (утратил силу) // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

³ Об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик : закон СССР от 25 дек. 1958 г. (ред. от 28.11.1989) (утратил силу) // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР : утв. ВС РСФСР 27 окт. 1960 г. (утратил силу) // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

предварительного расследования либо участниками судебных заседаний фрагментов объективной реальности: обстановки определенных мест, следов преступлений, явлений, поведения определенных лиц и т. д. [3, с. 43; 14, с. 301–303]. Но такие суждения являлись весьма фрагментарными, недостаточными для создания полноценной теоретической основы протоколов следственных действий и судебного заседания как средств уголовно-процессуального доказывания. К тому же, исходя из общего контекста соответствующих публикаций, они (суждения) предполагали высокую степень интуитивности, по крайней мере, не были подкреплены результатами более обстоятельных изысканий.

Конечно, в позднесоветский период существовали достаточно благоприятные условия для продолжения научных исследований в указанной сфере. Имелись и все предпосылки для формирования надлежащей совокупности теоретических положений о протоколах следственных действий и судебного заседания как средствах доказывания. Ведь в стране наблюдался беспрецедентный подъем уголовно-процессуальной науки; разрастались и множились научные школы и центры, в расцвете творческих сил находились выдающиеся ученые-процессуалисты и т. д.

Однако эти шансы были упущены – в последние годы XX в. ввиду известных причин для теории уголовно-процессуального доказывания наступили далеко не лучшие времена: количество реализуемых научных «проектов» сократилось, а их качество – заметно снизилось. Кроме того, на фоне резкого изменения политического климата возникли совершенно иные и, увы, во многом чуждые национальным традициям приоритетные направления научной работы в области уголовного судопроизводства. В предмет проводившихся исследований все чаще стали попадать различные аспекты состязательности, обеспечения прав личности, презумпции невиновности, суда присяжных и т. п. Тогда как интерес к проблематике доказывания начал постепенно утрачиваться, разве что за исключением конъюнктурной увлеченности ряда авторов вопросами допустимости доказательств. В этой связи начатые было ранее изыскания в части протоколов следственных действий и судебного заседания фактически прекратились. Взамен ученые-процессуалисты стали по-прежнему ограничиваться незамысловатыми разъяснениями соответствующих

положений закона. А в последние годы такие разъяснения ожидаемо дополнились вполне заслуженной критикой ст. 83 УПК РФ и призывами к реставрации содержащейся в ст. 87 УПК РСФСР 1960 г. советской нормативной дефиниции протоколов-доказательств, предполагающей перечисление обуславливающих их формирование процессуальных действий.

Пытаясь внести посильную лепту в понимание сущности протоколов следственных действий и судебного заседания, автор настоящей статьи достаточно давно задается вопросом о характере фиксируемой в них полезной информации. На первый взгляд, ответ на него кажется вполне ясным и понятным, прямо вытекающим из смысла УПК РФ. Любому специалисту вроде бы как должно представляться очевидным, что в таких документах надлежит отражать сведения, накапливаемые дознавателями, следователями и судьями совместно с другими участниками судебных заседаний в ходе осмотров, освидетельствований, экспериментов, обысков, других предусмотренных законом процессуально-когнитивных приемов – тех самых следственных и судебных действий. Однако на поверку, при более глубоком погружении в указанную проблематику, подобные суждения начинают представляться далеко не такими бесспорными. Напротив, возникает осознание их предрасположенности к неверному толкованию, обуславливающему сложности в отграничении протоколов-доказательств иных объектов уголовно-процессуального регулирования. Во-первых, в настоящее время еще сохраняется нормативная неопределенность в отношении сущности и системы самих следственных и судебных действий. Сформированные, благодаря усилиям целого ряда ученых-процессуалистов, в том числе автора настоящей статьи, более и менее единообразные доктринальные подходы к их пониманию пока что остаются официально не легализованными, не нашедшими отражения в положениях закона. Тогда как, исходя из буквального смысла Кодекса, под такими действиями вполне возможно понимать и наложение ареста на имущество, и уничтожение вещественных доказательств, и многие другие формы процессуального поведения органов предварительного расследования и суда, а соответствующие протоколы – признавать средствами доказывания. И во-вторых, наблюдаются изрядные трудности в отграничении сведений, подлежащих от-

ражению в протоколах следственных действий и судебного заседания, от сведений, присущих прочим средствам доказывания. Например, как уже указывалось выше, не вполне ясными видятся параметры размежевания протоколов, предусмотренных ст. 83 УПК РФ, с протоколами допросов и очных ставок, отражающих принципиально иные информационные активы – показания; еще более существенные трудности усматриваются в отграничении протоколов осмотров, освидетельствований, обысков и подобных следственных действий от обнаруженных в ходе их производства предметов и документов [11]. А самыми проблематичными представляются критерии индивидуализации различных доказательств, описанных в протоколах судебных заседаний. При этом указанные сложности являются далеко не надуманными – они приводят к реальным практическим ошибкам, оказывают негативное влияние на качество досудебного и судебного доказывания, на обоснованность уголовно-процессуальных актов либо адресуемых правоприменителям позиций сторон.

Поэтому у автора настоящей статьи появилась убежденность в возможности выявления подлинной сущности протоколов следственных действий и судебного заседания лишь в условиях глубочайшего осмысления (не поверхностного восприятия, а именно подлинного осмысления!) методологических положений кибернетической (информационной) концепции доказательств – официально признанной совокупности научных взглядов, предполагающих понимание доказательств как подлежащих восприятию и последующей трансформации в мысленные образы информационных сигналов (сведений). Другими словами, возникла уверенность в перспективности надлежащего уразумения феномена протоколов-доказательств, а также распознавания критериев для их отграничения от прочих объектов уголовно-процессуального регулирования, в том числе от остальных средств доказывания, не иначе как посредством должного определения характера и содержания соответствующих информационных сигналов.

Результаты исследования

В результате проведенного исследования наступило четкое осознание обусловленности протоколов следственных действий и судебного заседания так называемым невербальным

способом процессуального познания, сводящимся к восприятию субъектами доказывания материальных фрагментов объективной реальности, элементов вещной обстановки с практически одновременным появлением и документальной фиксацией их мысленных образов, подлежащих дальнейшему осмыслению и сопоставлению с другими мысленными образами в целях установления обстоятельств случившегося и обоснования правоприменительных решений либо позиций сторон¹. Думается, что именно его (невербальный способ) и надлежит считать важнейшей детерминантой возникновения подобных средств доказывания.

К слову, попутно проявился и оказался хорошо заметным допущенный еще в период формирования раннесоветского уголовно-процессуального права, а затем «по инерции» воспроизведенный в последующих законодательных актах, в том числе и в действующем Кодексе, нормативный изъян, состоящий в нарушении единообразных подходов к пониманию различных доказательств². Стало очевидным, что в отличие, например, от показаний и экспертных заключений протоколы являются не столько самими предполагаемыми к использованию для нужд уголовной юстиции информационными активами (определенными конфигурациями полезных сведений), сколько подходящими «контейнерами» для сохранения таких активов, их приобщения к уголовным делам и дальнейшего восприятия новыми субъектами познания.

И в этой связи формируемые посредством осмотров, освидетельствований, обысков, экспериментов и других предполагающих наглядно-образную перцепцию объективной реальности процессуально-когнитивных приемов средства доказывания надлежит именовать не протоколами следственных действий и судебного заседания, а результатами невербальных следственных и судебных действий.

¹ Подробнее об этом говорится в других публикациях автора настоящей статьи [10].

² Причины, некогда приведшие к появлению указанного нормативного изъяна, остаются доподлинно неизвестными. В этой связи автором настоящей статьи выдвинута научная гипотеза, объясняющая возникновение подобной шероховатости перманентным оставлением без должного внимания прежних, в первую очередь бытовавших в дореволюционный период подходов к уголовно-процессуальному доказыванию как к исключительному атрибуту судебной деятельности. Однако ввиду ограниченности объема настоящей статьи более подробное рассмотрение данной гипотезы планируется в других, предполагаемых к завершению в самое ближайшее время публикациях автора.

Обсуждения и заключения

Таким образом, под результатами невербальных следственных и судебных действий надлежит понимать предрасположенные к использованию для нужд доказывания информационные активы, формируемые посредством наглядно-образной перцепции должностными лицами органов дознания, предварительного следствия либо участниками судебных заседаний материальных фрагментов объективной реальности, элементов вещной обстановки и подлежащие фиксации в соответствующих протоколах. Представляется, что инкрементальное внедрение данного подхода к пониманию предусмотренных ст. 83 УПК РФ средств доказывания в систему уголовно-процессуального регулирования явно способствует оптимизации правоприменительной деятельности, в первую очередь устранению ряда возникающих в дознавательской, следственной, прокурорской, адвокатской и судебной практике трудностей и сокращению обусловленных ими ошибок. А первым шагом к реализации такого замысла вполне может послужить нормативное закрепление четкого перечня невербальных следственных и судебных действий.

Вместе с тем внесение соответствующих предложений правотворческого характера, направленных на изменение наименования ст. 83 УПК РФ, видится излишним, по крайней мере, преждевременным. Существующее название – протоколы следственных действий и судебного заседания – является настолько устоявшимся, настолько укоренившимся в сознании специалистов, что подобные корректировки без заранее подготовленной «почвы» могут привести лишь к новым проблемам и сложностям. В этой связи наиболее разумными представляются меры, состоящие в обеспечении постепенного привыкания юристов к новому наименованию предусмотренных ст. 83 УПК РФ доказательств посредством разъяснения данных вопросов в научно-практических комментариях к Кодексу, учебной литературе и других доктринальных источниках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вопросы уголовного процесса в практике Верховного Суда СССР / Н. Я. Калашникова, Э. Ф. Куцова, Н. М. Савгирова, М. Л. Якуб. М. : Госюриздат, 1955. 236 с.
2. Выдря М. М. Вещественные доказательства в советском уголовном процессе. М. : Госюриздат, 1955. 118 с.
3. Галкин В.М. Средства доказывания в уголовном процессе. Ч. 2. М. : Центр. науч.-исслед. ин-т судеб. экспертиз, 1967. 48 с.

4. Духовской М. В. Русский уголовный процесс. М. : Склад издания в книжном складе М. В. Ключкина, 1910. 48 с.
5. Кокорев Л. Д., Кузнецов Н. П. Уголовный процесс: доказательство и доказывание. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1995. 268 с.
6. Лившиц В. Я. Принцип непосредственности в советском уголовном процессе / отв. ред. М. С. Строгович. М. : Л. : Изд-во и 2-я тип. Изд-во Акад. наук СССР, 1949. 208 с.
7. Орлов Ю. К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. М. : Юрист, 2009. 174 с.
8. Познышев С. В. Элементарный учебник русского уголовного процесса. М. : Типолитография «Я Данкин и Я Хомутов», 1913. 328 с.
9. Россинский С. Б. Протоколы следственных действий: проблемы процессуальной формы и доказательственного значения // Lex Russica. 2017. № 10 (131). С. 37–46.
10. Россинский С. Б. К вопросу о развитии теории доказательств в уголовном процессе // Российский криминологический взгляд. 2013. № 3. С. 354–365.
11. Россинский С. Б. Приложение к протоколу следственного действия: признавать или не признавать как вещественное доказательство? // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. № 2 (81). С. 91–103.
12. Россинский С. Б. Сущность результатов невербальных следственных и судебных действий как доказательств по уголовному делу // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 9. С. 85–91
13. Строгович М. С. Уголовный процесс: краткий учебник. М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1938. – 248 с.
14. Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть Особенная / отв. ред. Н. В. Жогин. М. : Юрид. лит., 1967. 415 с.
15. Ульянова Л. Т. Предмет доказывания и доказательства в уголовном процессе России. М. : Городец, 2008. 173 с.
16. Фельдштейн Г. С. Лекции по уголовному судопроизводству. М. : Типолитография «В. Рихтер», 1915. 432 с.
17. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 2. СПб. : Сенатор. тип., 1910. 572 с.
18. Чельцов М. А. Уголовный процесс. М. : Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. 624 с.

REFERENCES

1. Kalashnikova N.Ya., Kutsova E.F., Savgirova N.M., Yakub M.L. *Voprosy ugovolnogo protsesssa v praktike Verkhovnogo Suda SSSR* [Issues of Criminal Procedure in the Practice of the Supreme Court of the USSR]. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1955, 236 p. (in Russian)
2. Vydrya M.M. *Veshchestvennyye dokazatel'stva v sovetskom ugovolnom protsesse* [Material Evidence in the Soviet Criminal Process]. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1955, 118 p. (in Russian)
3. Galkin V.M. *Sredstva dokazivaniya v ugovolnom protsesse. Chast' 2* [Means of Proof in Criminal Process. Part 2]. Moscow, Central Scientific Research Institute of Forensic Examinations Publ., 1967, 48 p. (in Russian)
4. Dukhovskoy M.V. *Russkiy ugovolnyy protsess* [Russian Criminal Process]. Moscow, Sklad izdaniya v knizhnom sklade M.V. Klyukina Publ., 1910, 448 p. (in Russian)
5. Kokorev L.D., Kuznetsov N.P. *Ugovolnyy protsess: dokazatel'stva i dokazivanie* [Criminal Process: Evidence and Proof]. Voronezh, Voronezh Univ. Publ., 1995, 268 p. (in Russian)
6. Livshits V.Ya. *Printsip neposredstvennosti v sovetskom ugovolnom protsesse* [Principle of Immediacy in the Soviet Criminal Process]. Ed. by M.S. Strogovich. Moscow, Leningrad, Academy Sciences USSR Publ., 1949, 208 p. (in Russian)
7. Orlov Yu.K. *Problemy teorii dokazatelstv v ugovolnom protsesse* [Problems of the Theory of Evidence in Criminal Process]. Moscow, Yurist Publ., 2009, 174 p. (in Russian)

8. Poznyshev S.V. *Elementarnyy uchebnyy russkogo ugovnogo protsesssa* [Elementary Textbook on Russian Criminal Process]. Moscow, Tipolitografiya "Ya Dankin i Ya Khomutov" Publ., 1913, 328 p. (in Russian)

9. Rossinskiy S.B. Protokoly sledstvennykh deystviy: problemy protsessual'noy formy i dokazatelstvennogo znacheniya [Protocols of Investigative Actions: Problems of Procedural Form and Evidential Significance]. *Lex Russica*, 2017, no. 10 (131), pp. 37-46. (in Russian)

10. Rossinskiy S.B. K voprosu o razvitii teorii dokazatelstv v ugovnom protsesse [On the Development of the Theory of Evidence in Criminal Process]. *Rossiyskiy kriminologicheskiy vzglyad* [Russian Criminological View], 2013, no. 3, pp. 354-365. (in Russian)

11. Rossinskiy S.B. Prilozhenie k protokolu sledstvennogo deystviya: priznavat ili ne priznavat kak veshchestvennoye dokazatelstvo? [Appendix to Protocol of Investigative Action: To Recognize or Not Recognize as Material Evidence?]. *Vestnik Vostochnosibirskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2017, no. 2 (81), pp. 91-103. (in Russian)

12. Rossinskiy S.B. Sushchnost rezultatov neverbalnykh sledstvennykh i sudebnykh deystviy kak dokazatelstv po ugovnomu delu [Nature of Results of Nonverbal Investigative and Judicial Actions as Evidence in Criminal Case]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice], 2013, no. 9, pp. 85-91. (in Russian)

13. Strogovich M.S. *Ugovnyy protsess: kratkiy uchebnyy* [Criminal Process: Short Textbook]. Moscow, Yuridicheskoe izdatelstvo NKYu USSR, 1938, 248 p. (in Russian)

14. *Teoriya dokazatelstv v sovetskom ugovnom protsesse. Chast Osobennaya* [Theory of Evidence in the Soviet Criminal Process. Special Part]. Ed. by N.V. Zhogin. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1967, 415 p. (in Russian)

15. Ulyanova L.T. *Predmet dokazivaniya i dokazatelstva v ugovnom protsesse Rossii* [Subject of Proof and Evidence in the

Russian Criminal Process]. Moscow: Gorodets, 2008, 173 p. (in Russian).

16. Feldshteyn G.S. *Lektsii po ugovnomu sudoproizvodstvu* [Lectures on Criminal Proceedings]. Moscow, Tipolitografiya "V. Richter" Publ., 1915, 432 p. (in Russian)

17. Foynitskiy I.Ya. *Kurs ugovnogo sudoproizvodstva. Tom 2* [Course of Criminal Proceedings. Vol. 2]. St. Petersburg, Senator's Printing House, 1910, 572 p. (in Russian)

18. Cheltsov M.A. *Ugovnyy protsess* [Criminal Process]. Moscow, Yuridicheskoe izdatelstvo MYu USSR, 1948, 624 p. (in Russian)

Статья поступила в редакцию 10.10.2025; одобрена после рецензирования 22.10.2025; принята к публикации 19.11.2025

Received on 10.10.2025; approved on 22.10.2025; accepted for publication on 19.11.2025

Росинский Сергей Борисович – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии, Институт государства и права РАН (Россия, 119019, г. Москва, ул. Знаменка, 10), ORCID: 0000-0002-3862-3188, Researcher ID: A-9583-2019, Scopus Author ID: 56578526900, РИНЦ Author ID: 422673, e-mail: s.rossinskiy@gmail.com

Rossinsky Sergey Borisovich – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Chief Researcher of the Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology Sector, Institute of State and Law RAS (10, Znamenka st., Moscow, 119019, Russian Federation), ORCID: 0000-0002-3862-3188, Researcher ID: A-9583-2019, Scopus Author ID: 56578526900, RSCI Author ID: 422673, e-mail: s.rossinskiy@gmail.com